

26 СЕН 1974

МОСКОВСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ

г. МОСКВА

НАРОДНЫЙ АРТИСТ
СССР
ЮРИЙ НИКУЛИН

Печатается
с продолжением

ЛО ЧТИ

СЕРЬЕЗНО

На перемене я зашел в соседний класс, а ребята взвыли, да и запри меня в шкаф.

Начался урок. Я сижу в шкафу. Мне это надоело, и я начал потихоньку стучать.

— Кто это стучит? — строго спросила учительница. В классе полная тишина. Только учительница снова начинает говорить, я опять постукиваю.

— Кто стучит? — уже зло спросила учительница. Все молчат. А мне надоело сидеть в духоте, я взвыл, да и закричал:

— Да это я стучу это я.

В классе хохот. Пока меня открывали, пока я разыгрывал «клунаду освобождения», в классе стоял хохот, в общем урок был сорван. За это и собирались меня на две недели исключить из школы.

Не считаясь примерным учеником, все-таки со многими учителями я дружил, и в общем-то учиться мне нравилось.

КОСТЕР НА СЦЕНЕ

Примерно с пятого класса я активно принимал участие в самодеятельности.

Для многих костры — это запах смолы, отсветы огня, синее небо над головой. А у нас костры проводились в школе. Обертывали красной бумагой лампочки, резали алый щелк на длинные ленты, прикрепляя их потом к вентилятору. Обкладывали все это сооружение поленьями, и костер начинал «полыхать». Чувствовали мы себя не хуже, чем в лесу: пели, танцевали, рассказывали.

Одно время все увлекались лезгинкой: ходили на носочках, размахивая руками с криком «ассас...»

На одном из пионерских сборов, на «костре» я появился с утюрированно большим кинжалом в зубах. Из-под огромной папахи не видно лица.

Несколько танцевальных па, и я входил в азарт. Потом я стал изображать будто бы на меня напала пчела. Я отбиваюсь, отмахиваюсь от нее — ничего не помогает. Тогда в ужас вместо привычного «ассас!» я ворвал на весь зал: «Пчела! Пчела!»

Если меня спросить, что я больше люблю и ценю в жизни, то я отвечу — юмор.

С детства я обожал все смешное, остроумное, мог часами слушать анекдоты, смешные истории, любил сам пошутить, изобразить что-нибудь комическое. Иногда это было не к месту, как с учительницей немецкого языка, которую я называл Софья Крокодиловна.

В связи с этим вспоминаю один случай из моей жизни и жизни моего сына, в то время школьника.

Встречает меня на улице как-то учительница математики и говорит:

— Здравствуйте, Юрий Владимирович, здравствуйте. Как вы реагируете на «двойку» вашего сына по арифметике?

— Как «двойка»? — спрашиваю я. — Первый раз слышу.

— Странно. Я специально дала ему дневник, и вы подписали. Выясните это дело, — холодным тоном сказала учительница.

Ну, думаю, парень, наверное, мою подпись подделал.

Прихожу домой, и сразу к Максиму.

— Ну-ка, дай дневник. — Он дает. Смотрю, стоит в нем действительно «двойка» и рядом моя подпись.

— И не стыдно подпись подделывать?

— Да нет, папа, — отвечает Максим, — ты это сам подpisал.

— Как я подписывал? Что ты меня обманываешь?

Максим продолжает спокойно говорить:

— Папа, честное слово, ты подписан.

— Когда это я подписан?

Максим, смотря на меня преданными глазами, спокойно рассказывает:

— Помнишь, ты шел по улице, а я из школы возвращался. И в это время тебя ребята окружили, школьники, помнишь, пионеры выбежали? Они у тебя стали брать автографы. А я вынул свой дневник, дал одному мальчику и говорю: «Дай артисту Никулину, пускай он подпишет, я что-то стесняюсь». И ты, не глядя, подписан.

Бот какую шутку устроил со мной сын. За находчивость я его простил.

Школу я вспоминаю часто. И по-хорошему. Во многом она стала для меня вторым домом. Я вспоминаю ребят, с которыми учился. Я вспоминаю учителей, которые меня учили, вкладывали мне в голову знания, хотя я порой этому и сопротивлялся.

Всю жизнь я буду вспоминать добрым словом Александру Степановну Соломаху, Григория Павловича Баринова, Леонида Абрамовича Зафреня, Наталью Алексеевну Выскребенцеву, Василия Ивановича Розанова, Алексея Макаровича Ткача и других преподавателей.

Я иногда приезжаю в Токмаков переулок, где прошло мое детство.

Переулок не увнать. Осталась школа. Осталась старая церковь, в которой когда-то был театр.

А от четырех наших домов, значившихся под номером пятнадцать, ничего не осталось. На их месте стоит громадный многоэтажный домина. Одно из парадных этого дома приходится как раз на то место, где когда-то было крыльце нашего деревянного зеленого дома.

СЕМЬ ДОЛГИХ ЛЕТ

В 1939 году меня сразу после 10-го класса призвали в армию. Так я попал под Ленинград, где меня определили в артиллерию. Жизнь батареи проходила довольно весело. Некоторые из дома взяли с собой музыкальные инструменты.

Часто заводили патефон: заигрыванные до хрипа пластинки Лидии Руслановой, Изабеллы Юрьевой... Когда все собирались у патефона, то дело доходило чуть ли не до драки: одни требовали в сотый раз Русланову (в основном ребята из села), а другим больше нравилась Юрьева. А на соседней батарее где-то достали целых пять пластинок Леонида Утесова. Мы им страшно завидовали.

Позже появились пластинки Клавдии Шульженко. Вся батарея с наслаждением слушала ее песню «Мама». Мне казалось, что эта песня про мою маму.

После отбоя, жарко натопив печь, лежа на нарах, мы любили рассказывать анекдоты и солдатские истории.

Однажды со старослужащим Гусаровым мы послали на десять пачек папирос «Звездочка» (я не курил, но тем не менее условие спора принял) — кто больше из нас знает анекдотов.

После отбоя легли на нары и начали рассказывать.

(Начало см. в №№ 224, 225).